

И. Ф. 2. в. 33 (2).

КАРТИНКИ

РУССКИХЪ ПРАВОВЪ.

КНИЖКА II.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1849.

КОРНЕТЪ,

СОЧИНЕНІЯ

Ө. БУЛГАРИНА.

РИСУНКИ

В. ТИММА.

ГРАВИРОВАНЫЕ НА ДЕРЕВЪ

БАРОНОМЪ КЛОТОМЪ И ЕГО УЧЕНИКОМЪ,

Г. ЛИКОМЪ.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

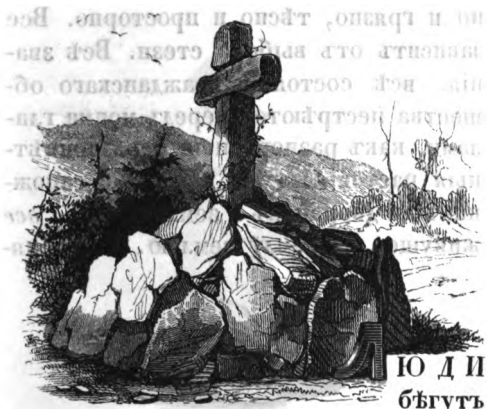
**съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено
было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное
число экземпляровъ.**

Санктпетербургъ. 10-го Апрѣля 1842 года.

Ценсоръ П. Корсаковъ.

**Гонялся я за звучной славой,
Встрѣчалъ я смѣло ядра лбомъ!**

Державинъ.

Ю Д И
бѣгутъ

стремглавъ по пути жизни, и не прежде останавливаются на привалѣ, какъ достигнуть опытности, предпоследней версты предъ общею гостиницею — могилою! Вотъ я стою теперь возлѣ этой версты, и, съ возвышенія, смотрю въ тыль, на дорогу.

Тутъ всё противоположности: пыльно и грязно, тѣсно и просторно. Все зависитъ отъ выбора стези. Всѣ званія, всѣ состоянія гражданскаго общества пестрѣются передъ моими глазами, какъ разнородныя и разноцвѣтныя растенія: тутъ и князь и сапожникъ, и дворянинъ и земледѣлецъ, все живущее на землѣ землею, и стремя-

щееся — въ землю! — Смотрю и думаю, чѣмъ бы я захотѣлъ быть, если бь мнѣ позволено было воротиться и снова избрать родъ жизни. Раздумавъ и разобравъ все основательно, отвѣчаю: *корнетомъ!*

акъ, любезные друзья,
не болѣе, какъ кавале-
рійскимъ корнетомъ!
Не хочу разбирать дру-
гихъ званій, чтобъ не
наскучить вамъ; но рѣшительно утвер-
ждаю, что самый счастливый человекъ
въ мірѣ — корнетъ.

младенецъ при
рожденіи пла-
четъ, потому
что слѣдуетъ
внушенію При-
роды, а При-

рода философка, и зная, что такое
жизнь въ существѣ своемъ, не мо-
жетъ внушить младенцу радости. Но
если бъ младенецъ (разумѣется муже-
скаго пола) могъ предвидѣть, сколь-

ко предъ нимъ въ жизни шампанскаго,

мазурокъ и кадрили,

красавицъ,

дуэлей , арестовъ ,

ЛЮБОВНЫХЪ ОБЪЯСНЕНІЙ,

ЛЮБОВНЫХЪ ПОХИЩЕНІЙ,

ОБЪДОВЪ И УЖИНОВЪ,

пуль,

бессонныхъ ночей,

**и прочаго, и прочаго, и прочаго, то
этотъ младенецъ хохоталъ бы при рож-
деніи во все горло, хотя бы неуклю-**

жая повивальная бабка или мамка сжала его въ лапахъ своихъ, какъ приказные жмутъ богатаго просителя. Первый офицерскій чинъ есть то же

самое, что рожденіе на свѣтъ; но, какъ мы родимся глупыми, а получая офицерскій чинъ почитаемъ себя чрез-

вычайно умными, то мудрено ли, что въ этотъ благополучный моментъ взорамъ нашимъ представляются однѣ радости, веселости, привлекательныя опасности и милыя страданія, составляющія въ совокупности истинное блаженство?

ервые эполеты!
 Волшебное слово,
 которое въ одно
 мгновение пере-
 раждаетъ человѣ-
 ка, даетъ новую силу душѣ, возбуж-
 даетъ новыя чувствованія, и цѣлый
 мѣръ представляетъ въ новомъ видѣ

взорамъ счастливецъ! Первый эполеты!

Это слово даже теперь приводитъ сердце мое въ радостный трепеть. Фельд-маршальскій жезлъ, награда великихъ подвиговъ, верхъ почестей, блистательнъ, уваженъ, почтенъ; но онъ радуеть болѣе отечество, потомство тор-

жествомъ народной славы, нежели великаго мужа. Его участь заботы, хлопоты, опасности. И что ожидаетъ насъ за фельдмаршальскимъ жезломъ?

Только Исторія, самая скучная, самая своеправная утѣшительница въ старости, въ недугахъ, въ неприятно-

стяхъ.... А первые эполеты! Они от

верзаютъ завѣсу въ очаровательный
міръ, въ безконечную перспективу,

въ которой взоръ вашъ переносится
то къ эполетамъ съ бахрамою, то къ
эполетамъ съ канителью, то къ кре-

стамъ, то къ звѣздамъ, то къ лентамъ
(объ арендахъ тогда еще не думает-
ся)! Вдали, въ радужномъ туманѣ,
видятся битвы, взятія городовъ, тор-
жества, поздравленія, награды, а въ

**слѣдствіе этого — счастливая любовь...
При первыхъ эполетахъ мы всѣ поэты!**

**ри первыхъ эполе-
тахъ спадаетъ съ
насъ иго гуверне-
ровъ, учителей,
инспекторовъ, директоровъ и всяка-
го рода и званія стѣснителей юноше-**

ской воли, которую симъ почтеннымъ

мужамъ благоугодно называть *своево-
ліемъ*. Первые эполеты даютъ даже

другія наименованія вашимъ ооще-
ніямъ: то, что называлось прежде ка-

призами, называется теперь *легко-мысле́мъ*; прежнее *упрямство* получаетъ названіе *твердости характера*; прежняя *лнь* называется *безпеч-*

ностью; прежнее *обжорство* облагораживается и даетъ вамъ лестное названіе *лакомки*, или *gourmand*. Все, что было дурнымъ въ *отрокъ*, при-

крыто шегельскимъ нарядомъ и ловкостью въ юности. Смѣло побрякивая шпорами, звуча ножами сабли, поглаживая пушокъ на томъ мѣстѣ, гдѣ должны быть усы, и поправляя пер-

вые эполеты передъ зеркаломъ, молодой человекъ является въ свѣтъ.... Счастливое время! У него нѣтъ ни

враговъ, ни завистниковъ, ни соперниковъ, ни совѣстниковъ. Генералы, полковники, ротмистры, камергеры и камеръ-юнкеры стоятъ на первомъ планѣ картины. Но они стоятъ и не движутся, а корнеты всѣ идутъ впередъ скорымъ шагомъ. Папеньки

смотреть на гостей сквозь *таблицу*

умноженія, и стараются проникнуть взорами въ карманы; маменьки заглядываются на звѣзды, а дочки..... дочки поглядывают украдкою на *первыя эполеты!* — Однѣ ли дочки? — Нѣтъ, и маменьки и тетушки пріятно улыбаются (на свой собственный счетъ) *первымъ эполетамъ!*

оле сраже-
нія и танцо-
вальная за-
ла — лавры

и мирты! Вотъ раздались звуки смыч-
ковъ. Пусть Его Превосходительство
идеть важно въ полонезъ! Это не на-
ше дѣло. Пусть камергеры, кам-
меръ юнкеры и дипломаты шаркаютъ
въ кадриляхъ — не наше дѣло! Но
вотъ играютъ вальсъ, вотъ началась
волшебная мазурка — и зазвучали шпо-

ры! Корнетъ торжествуетъ. Каммер-

геру, каммеръ-юнкеру и дипломату
едва позволяется дотронуться до га-
зовой оболочки свѣтской дѣвицы; имъ
выбляется въ обязанность подчивать
танцовщицъ *морожеными* вѣжливо-

стями, avec des phrases à tiroir — по
корнеть — то ли дѣло! Онъ бе-
реть свою красавицу, какъ говорит-
ся, въ руки, вертитъ ею, какъ на по-
водѣ; галошируетъ съ нею, какъ на

ученьѣ; пожимаетъ ручку, какъ будто ненарочно; глядитъ на нее, какъ на перенкъ, который готовъ тотчасъ скупать; говоритъ ей, что ему вздумается — и ему все простиительно. Его назовутъ шалуномъ, вѣтреникомъ, повѣсой, а все это похвальные качества въ формулярѣ свѣтской жизни, при первыхъ эполетахъ, *прилагательныя*, которыя скорѣе доставляютъ *существительное*, нежели замороженныя комплименты и зѣирныя прикосновенія къ ручкѣ, чрезъ лощеныя перчатки.

ы скучаемъ въ театрѣ, критикуемъ авторовъ и актеровъ, дирекцію и музыкантовъ, скучаемъ и критикуемъ оттого, что мы сами скучны и притомъ завистливы. Корнетъ въ театрѣ то же, что триумфаторъ въ Капитоліи. Корнету кажется, что вся публика смотритъ на первые его эпюлеты, что звукъ его шпоръ гораздо пріятнѣе Россиніевой музыки. Онъ ве-

рехаживаетъ съ мѣста на мѣсто, забѣгаетъ въ ложи, ищетъ во всѣхъ

уголнaxъ своихъ знакомыхъ, чтобъ показаться въ эполетахъ, поговорить свободно безъ ценсуры гувернера. На-

**чинается пiеса. Скучно ; онъ готовъ
выйти изъ театра , но актрисы такъ**

и смотрятъ на него (такъ ему кажется), а между ними есть такія миленькія! Между тѣмъ товарищи въ антръ-актахъ придумали une partie de plaisir. Ночь пролетѣла какъ мигъ. На другой день опозданіе къ разводу: вы-

говоря, омлошность послужбъ—арестъ.
 Тѣу, пронаеть! неприятности!—Срокъ
 ареста кончился, арестантъ выпался

порядочно, отдохнулъ, и вотъ пятна-
 дцать приглашеній къ обѣду, къ ужи-
 ну, на балъ.... Все забыто!

Ѣтъ денегъ ! Вотъ
это плохо. Что
намъ дано на пол-
года, мы прожи-
ли въ полмѣсяца.
Что дѣлать? Пе-

редъ корнетомъ впереди цѣлая жизнь
со всѣми необыкновенными своими
случаями : передъ корнетомъ лоттерей
и банки, аренды, земли, богатые не-
вѣсты, неизвѣстные бездѣтные дя-
дюшки и тетюшки съ намоленнымъ
наслѣдствомъ, и сердобольныя пожи-

**лыя дамы, которыя, изъ любви къ чело-
вѣчеству дѣлается доходомъ съ юно-**

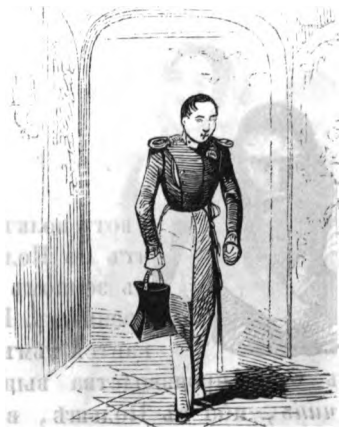
**шамъ. И такъ, на счетъ будущиъ
благъ, можно сдѣлать должокъ. И дѣ-
лаются долги, а между тѣмъ жизнь**

книжить, молодость галопируетъ, время летитъ; наслажденіямъ, кажется, нѣтъ конца! —

О вотъ полкъ стоитъ въ Польшѣ, въ земномъ раю военныхъ. Начинается тѣмъ, что корнетъ безъ производства выигрываетъ чинъ, ибо въ Польшѣ, всѣхъ величаютъ чиномъ выше, а въ слѣдствіе сего корнета называютъ Рап Рогусзникъ. — Сему Рапу Рогусзнику, т. е. корнету, отведена квартира во

Фангелъ дома. Его приглашаютъ къ

**обѣду. Мужчины серіозны; дамы полу-
любезны. Корнетъ говоритъ по-Фран-
цузски, рассказываетъ о придворныхъ**

балахъ, о дамскихъ нарядахъ, хвалить Польшу: Господинъ корнетъ природный Русскій Дворянинъ, но мужчины спрашиваютъ его: не Лифляндецъ ли онъ, или не Курляндецъ ли (albo Inlandczyk albo Kurlandczyk)? Хорошее начало! Знакъ, что онъ понравился. Дамы начинаютъ съ нимъ любезничать, берутся учить его по-Польски.

Мужчины заняты хозяйствомъ, охотой,

поѣздками по дѣламъ, а корнетъ долженъ сидѣть дома, смотрѣть за порядкомъ взвода, и, въ свободное время, сопутствовать дамамъ на прогул-

кахъ, въ поѣздахъ къ сосѣдамъ. Между тѣмъ, онъ дѣлаетъ большіе успѣхи въ Польскомъ языкѣ и безошибочно спрягаетъ глаголь: *koszam* (люблю). Его заставляютъ повторять, находя, что онъ очень *забавно произноситъ!*

Наконецъ, хозяинъ дома и другіе муж-

чины, сосѣди и родня, не женируются болѣе при любезномъ Рапи Рускину, ибо доказали ему, что фамилія его древняго Польскаго происхожденія. Онъ не спорить! При немъ

смѣло бранялъ капитанъ - исправника, прокурора и даже губернатора, а онъ еще и подтакиваетъ. Корнетъ какъ въ раю! Спряжение глагола *кошат* давно уже кончилось, и понятливый ученикъ прошелъ уже всѣ *длѣйствительные глаголы*. — Но вотъ ска-

зали походъ! Корнетъ радъ радехо-
некъ; ему уже наскучили *спряженія*
и вся Грамматика — а дамы!..... Одна
изъ нихъ въ обморокѣ, другая въ

спазмахъ, всё въ слезахъ! Пошли клят-
вы, обѣты писать, возвратиться...
Все пустое! На седьмой верстѣ кор-
нетъ еще растроганъ, на десятой грус-
тенъ, на первомъ ночлегѣ замѣчаетъ,
что глазки у служанки очень не дур-

ны, а на другой день идетъ преспо-
койно возлѣ своего взвода, курить

трубку, и превесело напѣваетъ ро-
мансъ изъ Жоконда:

Et l'on re-vient tou- jours

A ses premières a- mours

Не думая вовсе о смыслѣ рѣчи, онъ поетъ потому, что ему нравится музыка этого романса.

ойна. Корнетъ не отвѣчаетъ ни за продовольствіе, ни за состояніе лошадей. Его дѣло порядокъ и чистота во взводѣ, и насла-

жденія главной квартиры. Сраженіе.

**Онъ идетъ въ атаку, врубается въ
непріятеля, рубитъ направо, налево,**

равень, получаетъ крестъ, вымочи-

вается, опять дерется, произведенъ
въ поручики, беретъ пушку, произ-
веденъ въ штабсъ-ротмистры, полу-

часть эскадронъ! Прощай корнетская
жизнь! Пошли хлопоты и заботы; че-
столюбіе закралось въ сердце; въ свѣ-
тѣ вещи и люди измѣнились. Съ рот-
мистромъ уже заговариваютъ о пре-
лестяхъ супружеской жизни!.... Пло-

хо! Ротмистръ долженъ платить долги, казаться серьезнымъ, вести себя осторожно, чтобъ подавать собою примѣръ и имѣть право взыскивать съ подчиненныхъ за унущенія. Прощай, милое корнетство! Прощай безмятежность! А если безмятежность, безза-

ботность, надежды и притомъ любовь — не составляютъ счастья, то я не знаю, что такое счастье, и представляю сей вопросъ на разрѣшеніе тѣмъ важнымъ лицамъ, которыя отъ юношества требуютъ степенности и холодности, а отъ старости огня юношескаго; которые почитаютъ проступ-

комъ смѣхъ, шутку, невинную насмѣшку и все, что проясняетъ нашу скучную, единообразную жизнь. Важность сихъ эпитетовъ мнѣ кажется смѣшна, а корнетство истиннымъ блаженствомъ, и если бъ я-могъ быть вѣчноюнымъ, то хотѣлъ бы быть вѣчнымъ корнетомъ.